

АДАМОВО НАСЛѢДСТВО

РЕПРИНТНОЕ ИЗДАНИЕ

Свято-Сергиевская Троицкая лавра, 1901

© Православный Свято-Тихоновский Богословский институт 1996

© Братство во Имя Всемилостивого Спаса 1996

© Оформление - ВІНОГРАД, С. Лошаков 1996

ЛР № 030568 20 сентября 1993 г.

Формат 60х90 1/16. Объем 2 печл. Тираж 20 000 экз. Зак. 1135

ISBN 5-7429-0028-7

АДАМОВО НАСЛѢДСТВО.

(Очерки хрістіанской психологiи).

*Окаяненъ азъ человекъ! Кто
меня избавитъ отъ тѣла смерти
сея?.. (Рим. 7, 24).*

*Изведи изъ темницы души
мою!.. (Пс. 141, 8).*

I.

Такъ зывали изъ глубины скорбящей души — и кто же?— Не такіе грѣшники, какъ мы, а великіе богопросвѣщенные мужи—духоносный Апостоль и богодухновенный Пророкъ!.. Видно, глубоко повреждено бѣдное существо наше, когда и такіе люди вынуждены были горько жаловаться на грѣховныя вожделѣнія. Видно, и имъ не легко доставалась побѣда надъ собою! А мы грѣшныіе иногда думаемъ, что стоитъ только захотѣть— и мы не будемъ грѣшить. Жалкое заблужденіе! Несчастны тѣ, которые на немъ основываютъ надежду покаянія, отлагая его со дня на день. Попытайтесь только отстать отъ какой-нибудь худой привычки и вы скоро

убѣдитесь, что *творяй грѣхъ—рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34). Въ первыя минуты вамъ покажется легко бросить привычный грѣхъ; вы даже будете рады, что разстались съ нимъ; но скоро, скорѣе, чѣмъ вы ожидаете, онъ опять потянетъ васъ къ себѣ какъ бы незримою уздою. И не то, чтобы вы находили въ немъ удовольствіе,—нѣтъ: вы будете, можетъ быть, ненавидѣть его, а онъ все же будетъ васъ тянуть къ себѣ... Вы будете бороться съ нимъ, убѣгать отъ него, — можетъ быть, на минуту онъ спрячется отъ васъ, но лишь для того, чтобы вдругъ, внезапно, когда вы забудете о немъ, напасть на васъ... И ужь конечно, не разъ, не два вы спотыкнетесь и упадете, прежде чѣмъ твердо противостать привычному грѣху *до смерти* (Евр. 12, 4. Апок. 12, 11). Продолжая съ нимъ борьбу, вы съ удивленіемъ замѣтите, что и способности ваши, и вашъ умъ, и ваше сердце — не на вашей сторонѣ: они всѣ подкуплены грѣхомъ! Разсудокъ вашъ будетъ искать оправданія грѣху—хотя бы въ самой немощи вашей; сердце будетъ приводить вамъ на память испытанное имъ грѣховное удовольствіе... Вникая дальше въ сущность испытываемаго вами духовнаго раздвоенія, углубляясь испытаніемъ въ самого себя, въ эту новую для васъ усобицу, вы скоро увидите и главнокомандующаго враждебной стороны: это ваше *саможалтніе*. Оно заправляетъ всю борьбу противъ васъ, само получая указанія отъ міродержителя тьмы вѣка сего. Оно подучаетъ вашъ разсудокъ къ самооправданію, подстрекаетъ ваше сердце къ грѣховному пожеланію, склоняетъ, почти насилуетъ по праву нашего грѣховнаго рабства, привыкшую повиноваться ему волю—къ исполненію дѣломъ грѣха... Тяжкая борьба! Мучительное состояніе! Тутъ — то почувствуетъ бѣдная душа все свое одиночество, всю свою безпомощность: куда и самонадѣянность дѣнется! *Врази*

мои обышедше обыдоша мя (Пс. 117, 10), *обыдоша мя яко пчелы сотъ* (12), *яко вода* (87, 18), *ближнии мои отдалече мене сташа* (37, 13), и насилуютъ меня ищущіи душу мою!.. Сухо въ сердцѣ, мрачно въ умѣ, тяжело во всемъ существѣ души—*нѣсть мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ!* (Пс. 37, 4)... И конца невидно этому тягостному состоянію души: она близка къ унынію...

Но не отчаявайся, бѣдное созданіе: Господь близъ! Онъ видитъ тебя, давно смотритъ на подвигъ твой,—воззови къ Нему, и Онъ услышитъ тебя!

II.

Примѣтьте, какъ тонко, дипломатически изворотливо дѣйствуетъ грѣхъ во внутреннемъ существѣ нашемъ. Попробуйте предъ самимъ собою откровенно поставить вопросъ: грѣшенъ ли я? Отвѣтъ, конечно, будетъ: да, грѣшенъ. Но это отвѣтитъ не сердце: оно покажетъ видъ, будто не слышитъ, и останется въ сторонѣ,—это отвѣтитъ за него сухой, холодный разсудокъ, и отвѣтитъ вовсе не тономъ грѣшника, а тономъ фарисея-лицемѣра. Если бы вы попытались проникнуть въ глубину вашего сердца, въ глубину вашихъ внутреннихъ, лежащихъ на днѣ души убѣжденій относительно того, насколько вы грѣшны, — вы непременно замѣтили бы, отъ васъ самихъ тщательно укрывающееся фарисейское: *а все же—нѣсмь якоже прочіи человецы...* „Конечно я-де грѣшникъ, но вѣдь я не убійца, не воръ, не пьяница, не политическій преступникъ, — я и въ Бога вѣрую, и съ ближними живу не хуже другихъ: иной разъ-де и милостыню подамъ, и совѣтомъ добрымъ помогу; все же я, по крайней мѣрѣ, не хуже всякаго другого человѣка одного со мною положенія“. Таково мнѣніе нашего грѣшнаго „я“ о самомъ себѣ. Оно убаюкиваетъ

нашу слабую, неопытную совѣсть и при ея дремотѣ заправляетъ всѣми нашими поступками и словами въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ; оно вдругъ, какъ бы изъ засады, возникаетъ на поверхность сознанія нашего каждый разъ, какъ скоро мы очутимся лицомъ къ лицу съ поступками или словами ближняго, задѣвающими наше самолюбивое „я“. Скажетъ ли намъ слово обличенія—не говорю уже просто братъ, а даже нашъ прямой начальникъ, по праву данной ему власти, начальникъ, скажу больше—любимый и уважаемый нами,—мы уже готовы тотчасъ оправдывать себя. Если же совѣсть не позволяетъ прямо оправдывать себя, если она сама со всею силою свидѣлствуетъ противъ насъ,—мы будемъ всячески себя извинять; не извинять,—по крайней мѣрѣ, уменьшать свою вину, съ изощренною тонкостію изобрѣтая смягчающія обстоятельства. Если ужъ и тутъ совѣсть налагаетъ свое строгое veto, мы готовы бываемъ—не на словахъ, такъ хотя въ душѣ—упрекнуть начальника: „зачѣмъ-де онъ обличилъ насъ при постороннихъ лицахъ, почему говорилъ съ нами строго: если бы онъ-де имѣлъ отеческую любовь, то поступилъ бы не такъ, а вотъ такъ и такъ“... А поступи онъ на самомъ дѣлѣ такъ, какъ мы разсуждаемъ теперь, послѣ его строгаго выговора,—мы опять были бы чѣмъ-нибудь недовольны въ его начальническомъ, ограничивающемъ нашу грѣшную свободу, словѣ или распоряженіи... Итакъ — безъ конца. И замѣйте, я говорю о тонкихъ, едва примѣтныхъ движеніяхъ нашего себялюбія въ тѣхъ случаяхъ, когда его задѣваетъ лицо, нами любимое, отъ котораго мы зависимъ, задѣваетъ по праву и долгу. Нужно ли говорить о той бурѣ, какая поднимется изъ глубины нашего оскорбленнаго сердца тогда, когда оскорбительное слово произнесетъ—иногда даже безъ намѣренія—человѣкъ, котораго мы считаемъ ступенью ниже себя?..

О, тогда мы не найдемъ достаточно сильныхъ словъ для выраженія нашего негодованія...

III.

Наиболѣе опасный видъ самолюбія и самооболенія есть внутреннее фарисейство. Оно тѣмъ опаснѣе, что обладаемый имъ человѣкъ бываетъ совершенно увѣренъ въ своемъ относительномъ благочестіи, а того и не замѣчаетъ, что это мнимое благочестіе (притомъ не внѣшнее только, но и внутреннее) растетъ на почвѣ, удобряемой, по слову Лѣстничника, гноемъ тщеславія. Дѣло въ томъ, что есть тонкій видъ тщеславія предъ самимъ собою. Трудно вразумить такого человѣка въ неправости пути его: это своего рода прелесть духовная. Благодать Божія находить и тутъ средства къ вразумленію человѣка. Вотъ фактъ, рассказанный мнѣ однимъ изъ близкихъ по духу людей. Онъ былъ зараженъ именно этимъ тонкимъ видомъ внутренняго фарисейства. „Я читалъ воспоминанія одного семинариста. Тамъ рассказывалось объ одномъ юношѣ-аскетѣ, который всею душою былъ преданъ мысли о спасеніи, утѣшался богослуженіемъ, кротко переносилъ всѣ скорби ради Бога и жилъ въ семинаріи, какъ въ пустынѣ. Разсказъ тронулъ меня до слезъ. Но въ эту минуту, когда я разчувствовался, я примѣтилъ, будто на днѣ моей души шевельнулось что-то нехорошее... Я сталъ анализировать это недоброе чувство и нашелъ, къ великому своему удивленію, что это было нѣчто недоброжелательное къ тому юношѣ, о комъ я читалъ, что-то вродѣ зависти, что вотъ-де онъ благочестивѣе меня, о немъ вотъ какъ говорятъ, не можетъ-де этого быть... Признаюсь, я не узналъ самого себя.—Но вѣдь это гадкое *Каиново* чувство? говорилъ я помыслу.— Но Каиново чувство то-милло меня. „Какъ? Стало быть вотъ нашелся нѣкій

семинаристъ, такой же семинаристъ, какъ и я, — благочестивѣ меня?.. Не можетъ-де этого быть“... Я пришелъ въ ужасъ... Тутъ только раскрылись мои глаза, и я увидѣлъ, что все, что я ни дѣлалъ добраго, осквернялось тщеславіемъ. Даже самоукореніе, это столь естественное проявленіе добраго устроенія, было жертвою внутреннему фарисею, — даже *имъ* я хвалился — не предъ людьми, конечно, а передъ самимъ собою, дабы потомъ сказать самому себѣ фарисеево: *нѣсмь якоже прочіи человецы*, — „если молъ и грѣшу въ чемъ по немощи, но и укоряю себя въ томъ; а другіе-де и того не дѣлаютъ“. И все это было чѣмъ-то прикрыто, такъ что я, до описаннаго случая, вовсе не примѣчалъ въ себѣ этого фарисея! Какъ не повторить послѣ этого молитву Царя-Пророка: *отъ тайныхъ очисти мя, и отъ чуждыхъ пощади раба Твоего!* И слова одного изъ величайшихъ подвижниковъ, сказанныя имъ при смерти: „я дѣлалъ добро какъ умѣлъ, а хорошо ли оно въ очахъ Божіихъ, примется ли *тамъ* за добро — не знаю“. Да, вѣрно слово пророка Божія Исаіи: *якоже порты нечистыя вся правда наша*“ (Исаіи 64, 6), заключилъ мой собесѣдникъ...

IV.

И снова я долженъ оговориться, что имѣю въ виду людей вѣрующихъ, сколько-нибудь внимающихъ себѣ, людей, которые, отвѣтивъ, напримѣръ, на слово обличенія словомъ негодованія, потомъ жестоко укоряютъ себя за нанесенную такимъ образомъ брату обиду, за явное нарушение заповѣди Божіей, и стараются даже чѣмъ-либо утѣшить брата, потерпѣвшаго отъ ихъ слова гнѣвнаго. А что сказать о людяхъ, для которыхъ „честь“, понимаемая ими по своему, или лучше сказать ихъ самолюбіе, есть идолъ, во имя коего они считаютъ ка-

кимъ-то „долгомъ“ вызвать противника на дуэль, или, выражаясь словами нашего православнаго катихизиса — совершить три ужасныя преступленія: убійство, самоуправство и самоубійство?..

Я только что упомянулъ о добрыхъ хрістіанскихъ сердцахъ, которые, оскорбивъ ближняго, стараются потомъ чѣмъ-либо утѣшить его, дабы загладить свою вину предъ нимъ добрымъ дѣломъ или, по крайней мѣрѣ, добрымъ словомъ. Какъ ни прекрасно въ своемъ основаніи это хрістіанское исправленіе, но и тутъ часто не обходится безъ того же „я“. Оно и тутъ проявляетъ себя — у однихъ — полусознаваемымъ стремленіемъ показать обиженному хотя вскользь, не прямо, какъ бы безъ намѣренія, что я-де *нѣсмь якоже прочіи человецы*, я долго зла не помню, и под., — у другихъ — между прочимъ тайнымъ желаніемъ удержать за собою вліяніе на людей; у слабыхъ характеровъ оно даетъ себя чувствовать въ самомъ образѣ примиренія: не желая смириться предъ братомъ лицомъ къ лицу, но чувствуя внутреннюю борьбу долга и самолюбія, такой человекъ подготавливаетъ примиреніе чрезъ постороннихъ, часто не имѣя мужества сознаться даже и предъ ними въ своей винѣ предъ оскорбленнымъ; онъ только хвалитъ его добрыя качества, имѣя въ виду — авось либо эта его похвала дойдетъ по адресу, обиженный-де услышитъ, что я на него не сержусь, что я вотъ какъ хорошо о немъ отзываюсь, услышитъ и не будетъ скорбѣть на меня. Дѣло примиренія-де будетъ сдѣлано, и я, и онъ будемъ мирны одинъ къ другому. Или же, мучимый совѣстію, оскорбившій, ищетъ случая помочь чѣмъ-нибудь оскорбленному и — вотъ тонкая дипломатія грѣха въ нашей душѣ: иногда въ такихъ случаяхъ, незамѣтно предъ сознаніемъ проскользнетъ, конечно, тутъ же осуждаемый совѣстію, но тѣмъ не менѣе пріятно щекочущій грѣшный

сердце, помысль: „а что если бы съ нимъ, съ оскорбленнымъ, случилась хоть бы вотъ такая бѣда... Я тогда по родному протянулъ бы ему руку помощи“... И эта политика, этотъ грѣховный налетъ мысли зложелательной — все это для того, чтобы примириться съ оскорбленнымъ братомъ, или лучше — успокоить своего неумолимаго соперника (Мѡ. 5, 25) совѣсть свою!.. Чего бы лучше итти и просто по-хрістіански попросить у него прощенія, такъ нѣтъ же: до этого наше себялюбіе не допускаетъ насъ...

Замѣьте еще: чѣмъ кто невнимательнѣе къ себѣ, тѣмъ онъ требовательнѣе къ другимъ: являются такимъ образомъ отношенія, обратныя тѣмъ, какія *должны бы* быть. И откуда все это пробивается, если не изъ того же нечистаго источника — нашего гордаго „я“?..—О, блаженна и преблаженна ты, святая простота хрістіанская! Блаженны вы, Хрістовы простецы, незнающіе всѣхъ изворотливыхъ хитросплетеній смиреннолукавствующаго грѣха! Снизойди въ нашу душу, въ наше грѣшное сердце, святое смиреніе, изгони оттуда сего змія многоглаваго—наше себялюбіе, гордость, тщеславіе, а съ ними и весь легионъ нечистыхъ движеній грѣховныхъ, гнѣздящихся въ тайникахъ нашего сердца!

У.

До сихъ поръ мы говорили о грѣховномъ рабствѣ нашей размышляющей способности (*мысленной* части души, какъ говорятъ св. отцы) и вывели заключеніе, что грѣхъ царствуетъ надъ нею отъ имени нашего „я“. То же самое должно сказать и о нашей чувствующей способности (*чувствительной* части души), вмѣстившемъ коей служить сердце. И здѣсь все сводится къ тому же „я“. И тутъ грѣхъ укрывается въ то же, столь

излюбленное имъ убѣжище. Строго говоря, какъ мы и выше замѣтили, сердце есть главное гнѣздо грѣховныхъ нашихъ наклонностей, такъ что нашъ умъ является лишь второстепеннымъ служителемъ грѣха, — онъ лишь состоитъ у сердца на послугахъ. Въ сердцѣ источникъ нашихъ желаній; *отъ сердца*, а не отъ ума *исходятъ*, по выраженію Спасителя, *помысленія*, а стало быть и самыя пожеланія злая (Мѡ. 15, 19). И въ самомъ дѣлѣ: отчего бы уму не относиться безпристрастно къ нашимъ собственнымъ словамъ и поступкамъ? Что онъ *могъ бы* это дѣлать видно ужъ изъ того, что о *чужихъ* поступкахъ онъ вѣдь судить же строго, много строже, чѣмъ бы слѣдовало. И это обратное отношеніе онъ доводитъ до крайностей. *Сеѣ* мы готовы бываемъ извинить самую низкую пошлость, самый грубый порокъ,—для этого у насъ есть и подходящія слова, напимѣръ: *ошибка*, *шутка*, *шалость*, *слабость*, у людей духовнаго направленія — слово *немошь*; но эти слова мы приберегаемъ только для своего собственного обихода; для людскихъ же, хотя бы и дѣйствительно только немощей, а не пороковъ, у насъ есть—*нечестность*, *дерзость*, *наглость*, *пошлость*, *низость*, и наконецъ—*порокъ*, *позоръ*, *преступленіе*... Отчего такая несправедливость? Откуда эта неравноправность нашихъ ближнихъ съ нашимъ собственнымъ „я“ предъ однимъ и тѣмъ же судомъ, въ отношеніи однихъ и тѣхъ же поступковъ?—Конечно, не въ испорченности самаго логическаго аппарата нашего мышленія, а въ извращенности, въ лживости его дѣйствій, направляемыхъ изъ глубины испорченнаго сердца. Если мы прислушаемся внимательно къ этимъ несправедливымъ нашимъ сужденіямъ о ближнемъ нашемъ, если, такъ сказать, приложимъ свое ухо не къ словамъ, а къ внутреннему голосу нашего сердца, то легко можемъ замѣтить эти фальшивыя ноты. Сердце насилуетъ умъ,

побуждая его осуждать поступок ближняго, а совѣсть болѣе или менѣе громко, иногда же едва слышно, протестуетъ: *не твое дѣло, оставь!* Или: *ты самъ не лучше!* Эта дисгармонія тѣмъ слышнѣе и примѣтнѣе, чѣмъ человѣкъ ближе по нравственному устроению своему къ заповѣдямъ Божиимъ, чѣмъ онъ мягче, добрѣе даже по природному своему темпераменту. Святые Божіи чутко прислушивались къ ней и старались свои сужденія о ближнихъ, всѣ свои отношенія къ ближнимъ настраивать по камертону совѣсти. Оттого во всѣхъ ихъ дѣлахъ и словахъ, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ Богу и ближнимъ, во всей ихъ жизни царитъ такая чудная гармонія, которая невольно привлекаетъ сердце даже живущаго чувственною жизнью человѣка. Но сколькихъ усилій, сколько борьбы стоитъ это святое устроение, этотъ миръ души съ Богомъ и съ самимъ собою! Этотъ великій подвигъ безъ пролитія крови, или по меньшей мѣрѣ кроваваго пота, не бываетъ и безъ благодати Божіей не совершается.

VI.

Приникнемъ внимательнымъ окомъ совѣсти ко внутреннему міру нашей души. Посмотримъ, чѣмъ она живетъ, что проходитъ чрезъ ея сознаніе. Возьмемъ минуту, когда человѣкъ, на единѣ съ самимъ собою, бываетъ свободенъ отъ дѣла. *Свободенъ!..* Какой ироніей отзывается это слово! Какая поразительно-тяжелая картина хаоса представляется предъ нами! Какая толкотня помысловъ! Со всѣхъ сторонъ, точно пчелы у разореннаго улья, точно пыль на улицѣ, дымъ на пожарищѣ, тѣсняются въ сознаніе самыя разнородныя представленія. Они взаимно борются, изгоняютъ другъ друга, группируются по роду и видамъ своимъ и нагло лѣзутъ предъ

духовныя очи человѣка. Св. Макарій Египетскій прекрасно уподобляетъ состояніе такого ума трясенію зеренъ пшеницы въ рѣшетѣ. Что все это, какъ не „помысленія, исходящія изъ сердца?“ Естественно ли такое устроение души? Развѣ душа не господинъ своего сердца? Развѣ она не можетъ изгнать оттуда всѣхъ этихъ непрошенныхъ гостей? Она и изгоняетъ ихъ. Но въ сердцѣ есть нѣчто для нихъ особенно пріятное, ихъ привлекающее: оттого они опять и опять назойливо тѣснятся въ него. Сколько бы ни отгонять пчелъ отъ улья, онѣ все же будутъ летѣть къ нему: такъ и помыслы лѣзутъ къ нашему сердцу, какъ къ родному гнѣздилищу своему.

Но вотъ, человѣкъ занятъ дѣломъ. Вся туча представленій стоитъ надъ нимъ неподвижно, или кружится въ его умѣ, но его сознаніе занято, — и они только мелькомъ порхнутъ передъ нимъ и улетаютъ.

Человѣкъ молится. О, какъ назойливы становятся въ это время его помыслы! И что замѣчательно: наше сознаніе только тогда ихъ замѣчаетъ, когда они уже, такъ сказать, заполоняютъ его. И это бываетъ во время молитвы, когда человѣкъ сосредоточиваетъ всѣ свои мысли на словахъ молитвы! Сначала понимаешь, что читаешь; бываетъ, что и сердце умиляется, смягчается, согрѣвается; и такъ — строкъ десять, двадцать, но вдругъ вниманіе поражается какъ бы внезапнымъ открытіемъ: вѣдь умъ-то уже занятъ другимъ, ты и не примѣтилъ, какъ врагъ подкрался и заполонилъ его... Начинаешь выгонять ихъ оттуда, съ усиліемъ собираешь вниманіе, сосредоточиваешься на словахъ молитвы, и... примѣчаешь, будто не читалъ того, что глазами прочтено, стало быть — врагъ уже давно хозяйничаетъ въ умѣ, а ты его не видѣлъ!.. Возвратишься на нѣсколько строкъ выше, начинаешь читать съ усиленнымъ вниманіемъ, но — увы — чрезъ нѣсколько строкъ снова то же и то же... Нужно ли лучшее

доказательство чьего-то посторонняго вмѣшательства въ нашу духовную жизнь? Такъ не прочно наше сочувствіе къ добру безъ помощи благодати Божіей! Такъ безсильны предъ лицомъ страстей всѣ наши усилія къ самоисправленію—будто паутина предъ порывами вѣтра, пока не придетъ на помощь Всесозидающій и Укрѣпляющій Утѣшитель! А дотолѣ — сколько нужно подвиговъ противъ враговъ, сколько потребно борьбы, чтобы отогнать ихъ, борьбы не день, не два, не годъ, а иногда цѣлую жизнь!.. И конечно, человѣкъ палъ бы въ этой борьбѣ безвозвратно, опутанный отчаяніемъ, если бы надѣялся на свои силы, которыхъ у него нѣтъ, если бы не поддерживала его привлекаемая его смиреніемъ все та же благодать Божія *въ тайнѣ*, прежде чѣмъ будетъ обитать въ немъ для него самого ощутительно. А этого не бываетъ прежде очищенія сердца. Побѣда дается только тому, кто подвигомъ добрымъ подвизается въ бореніи со страстями, кто очищаетъ сердце отъ гнѣздящихся въ немъ пожеланій грѣховныхъ, кто возненавидитъ грѣхъ отъ всего сердца, отъ всего своего существа, а не одною только разумѣвательною частию души. Но тогда, оборвавъ всѣ тайныя нити, привязывающія сердце ко грѣху, онъ уже не сомнѣвается въ сущности обуревавшихъ его помысловъ. Онъ изъ опыта видитъ, чье они порожденіе. Это дѣти грѣха, живущаго въ сердцѣ, это—питомцы духа тьмы, котораго вся забота въ томъ, чтобы занять — если не грѣховными, то хотя пустыми, праздными помыслами нашу душу, дабы не дать ей времени подумать о своемъ спасеніи. Изгнанъ изъ сердца благодатию Божіей и свободнымъ подвигомъ самого человѣка грѣхъ,—сами собою исчезаютъ, или, по крайней мѣрѣ, теряютъ свою губительную силу, и помыслы грѣховные, наносимые отъ врага нашего спасенія.

VII.

Продолжимъ наши наблюденія.

Спаситель сказалъ, что помышленія отъ сердца исходятъ. Нашъ внутренній опытъ свидѣтельствуется тоже. Сердце человѣка прилежитъ къ злему во вся дни (Быт. 6, 6),—и помышленія его того же свойства. Къ чему прилѣпилось сердце, тѣмъ занять и умъ. Нужно ли указывать примѣры, когда собственный опытъ каждого подтверждаетъ это на каждомъ шагу?

Теперь мы нисходимъ въ область инстинкта, въ *страстную* часть души. Человѣкъ чувственный, грѣхлюбивый живетъ почти исключительно животною жизнію, животными инстинктами. На нихъ онъ направляетъ всю дѣятельность и ума, и сердца. Къ нимъ устремлена вся его жизнедѣятельность. Инстинкты, эти безсознательныя стремленія къ цѣлесообразной дѣятельности, такъ же извращены, какъ и мыслительныя способности. Вмѣсто того, чтобы служить средствами, двигателями жизнедѣятельности къ высшимъ духовнымъ цѣлямъ человѣческаго бытія, они стали для грѣхлюбиваго человѣка сами идоломъ чувственной жизни. Но я и теперь не стану говорить о крайнемъ извращеніи природы человѣка, уподобившаго себя скотамъ несмысленнымъ, преданнаго грубымъ, нетерпимымъ порокамъ. Укажу на людей, которыхъ и мы считаемъ добрыми хрістіанами: даже и у такихъ людей тлетворное начало, ядъ грѣха, глубоко проникаетъ въ область сердечную. Возьмемъ фактъ. Мірскіе люди не считаютъ большимъ грѣхомъ посмотрѣть, не безъ нѣкотораго страстнаго удовольствія, на красивое лицо женщины. Но знаютъ ли они, что, не разъ поддавшись такому искушенію, если бы потомъ они *ради Бога*, безъ всякихъ цѣлей, самовосхваленія, (хотя бы только предъ самими же собою), *во имя Хри-*

стовой заповѣди твердо рѣшились разъ навсегда отказаться отъ такого якобы невиннаго, но на самомъ дѣлѣ осужденнаго Христомъ, инстинктивнаго влеченія нашего грѣхлюбиваго сердца,—то какую тяжелую борьбу пришлось бы имъ вынести прежде, чѣмъ побѣдить въ себѣ уже сложившуюся привычку! Сколько разъ пришлось бы имъ упасть и встать прежде, чѣмъ при помощи Божіей они достигли бы совершенства тѣхъ, которые уже не падаютъ! Вотъ тогда бы они поняли, какъ глубоко лежатъ въ нихъ корень этой похоти, отпрыски котораго они, можетъ быть, почитаютъ ничтожными былинками: „стоитъ-де только захотѣть, и мы ихъ вырвемъ!“ Они поняли бы всю силу сравненія, какое употребилъ Господь, когда сказалъ: *аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе...* Не сказалъ просто: закрой, но *изми*, вырви и отбрось отъ себя: значить, безъ боли обойтись при этомъ нельзя, не въ физическомъ, конечно, а въ духовномъ смыслѣ... Тогда для нихъ воочию предстала бы необходимость тѣхъ подвиговъ святыхъ Божіихъ, которые теперь, можетъ, быть кажутся имъ излишнимъ самоумерщвленіемъ, пожалуй даже изувѣрствомъ... Тогда они сказали бы: „да, мы теперь понимаемъ и опытомъ извѣдали, какъ необходимы для нравственнаго совершенства эти изумляющіе подвиги святыхъ; знаемъ, почему монахъ обматывалъ руки въ мантию, когда нужно было поддержать, при переходѣ черезъ рѣку, старушку мать, почему многіе изъ нихъ не хотѣли во всю жизнь допускать въ свою келью женщинъ, даже родныхъ матерей и сестеръ, хотя стояли уже на недосыгаемой для насъ степени совершенства духовнаго“. Они, эти мірскіе люди, благоговѣнно преклонились бы предъ сими подвижниками въ полномъ сознании своихъ немощей, своей грѣховности и нечистоты... А отсюда легко уже пришли бы къ сознанию и

того, что въ дѣлѣ спасенія нѣтъ мелочей, что грѣшный взглядъ на женскій полъ есть уже грѣхъ, осужденный положительно и словомъ Самого Господа: *всякъ, иже воззритъ на жену ко еже вождѣлѣти ея, уже прелюбодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Мѡ. 5, 28). „Да, сказали бы они, такъ называемыя невинныя удовольствія наши, напимѣръ, танцы, или театръ, и т. п., въ сущности вовсе не есть служеніе искусству, какъ мы ихъ называемъ, а просто—только тонкая пища для нашихъ страстныхъ инстинктовъ, есть тонкій ядъ, медленно, но вѣрно отравляющій и умерщвляющій духовное существо наше“. — Наконецъ, извѣдавъ собственнымъ опытомъ всю силу врага, всю его хитрость и осмитающелѣтнюю опытность въ дѣлѣ соблазна, а также и всю тяжесть борьбы; не разъ, конечно, подвергнувшись паденію и благодатию Божіей вставая,—такіе люди были бы снисходительнѣе къ падающимъ, а особенно къ тѣмъ, которые выступаютъ на открытую брань со врагомъ, и отказываясь отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, принимаютъ на себя добровольно благое иго Христова... Они поняли бы весь глубокий смыслъ монашескаго изреченія: „тотъ только никогда не падаетъ, кто лежитъ; а кто стоитъ, тотъ можетъ пасть и снова встать“... Безпечно живущій, конечно, не падаетъ уже просто потому, что онъ разъ палъ паденіемъ лютымъ и лежитъ, и не встаетъ...

VIII.

Написавъ сіи строки, я услышалъ слабый голосъ своей совѣсти: „ты не дурно разсуждаешь о грѣховныхъ наклонностяхъ и привычкахъ: почему же ты ихъ въ самомъ себѣ не искореняешь?“—Святая правда, противъ которой ничего не могу сказать. Какъ бы красно ни разсуждалъ я о грѣхѣ, но если рабствую ему, то душа

2901/1

БИБЛИОТЕКА
Христианского общества
„Богъ для всехъ“

моя сугубо осудится. И откуда это очерствѣніе сердца? Умъ, кажется, хорошо понимаетъ всю опасность умеленія во грѣхѣ, а между тѣмъ мы все медлимъ и медлимъ разстаться съ нимъ. Есть писано въ притчахъ Христовыхъ: *и еще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ въры* (Лук. 16, 31). Мудрое, воистину божественное слово! Видно, что изрекшій его есть Сердцевѣдецъ. Остановимся на немъ. Кажется, отчего бы не повѣрить воскресшему мертвецу? Вѣдь самый фактъ его воскресенія неоспоримо говорилъ бы за такого свидѣтеля истины. И однакоже сказано: *не имутъ въры*. Что же это значитъ? Почему не повѣряютъ? Да потому, что даже Моисея и пророковъ не слушаютъ. Писанія Моисея и пророковъ есть свидѣтельство слова Божія; такое свидѣтельство ужъ, конечно, выше свидѣтельства выходца съ того свѣта, однако грѣшники его не слушаютъ, — стало быть меньшему свидѣтелю не за чѣмъ и являться. Замѣтьте, сказано: *не имутъ въры*, а не то, чтобы не поймутъ умомъ. *Вѣруется сердцемъ* (Римл. 10, 10), а не умомъ, и въ этомъ-то вся бѣда. Сердце черство — и не вѣрятъ. Они хорошо понимаютъ умомъ, знаютъ, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ, но сердце-то *не хочетъ* вѣрить: оно глухо, мертво для сей дѣятельной вѣры или вѣрующаго знанія, — и вотъ, не только выходецъ съ того свѣта, а явись Самъ Сердцевѣдецъ, — и тогда все будетъ бесполезно. И если бы ко мнѣ явился воскресшій Лазарь, явился бы и доказалъ, что онъ именно тотъ, кого я зналъ за умершаго, — что жъ? — можетъ быть я встрѣтилъ бы его со страхомъ, удивленіемъ, любопытствомъ, со вниманіемъ выслушалъ бы его, а потомъ? — если мое сердце не восприметъ истины, если не коснется его Божья благодать, то я опять сталъ бы жить по старымъ грѣховнымъ привычкамъ. Я *зналъ* бы, пожалуй, былъ бы убѣжденъ умомъ, но сердцемъ

былъ бы мертвъ къ такому знанію — о будущей загробной участи. Да все это такъ и бываетъ съ людьми, упорно отгоняющими отъ себя благодать Божію своимъ гордымъ устроеніемъ, — благодать, подъ условіемъ коей только и возможно *умягченіе* сердца и дѣло нашего спасенія. Такъ было и съ фарисеями. Припомните евангельскіе факты. Господь исцѣляетъ скорченную въ субботу, чудо совершилось на глазахъ у всѣхъ. Начальникъ синагоги былъ ближайшимъ свидѣтелемъ чуда, и что же? Онъ будто не замѣчаетъ чуда, а изволить заявлять свое фарисейское попеченіе о святости субботы... Господь говоритъ поразительную по своему пророческому указанію на его собственную смерть отъ рукъ враговъ Его — притчу о злыхъ виноградаряхъ, избившихъ посланныхъ господиномъ рабовъ его, убившихъ сына его, — Онъ обращается къ совѣсти Своихъ слушателей и предлагаетъ имъ самимъ рѣшить: какъ поступить господинъ виноградника? Фарисеи молчатъ. Они понимаютъ, что Господь *къ нимъ притчу сію рече*. Тогда Господь Самъ даетъ отвѣтъ: *злыхъ злѣ погубитъ* и пр... Прижатые къ стѣнѣ фарисеи не нашли ничего сказать, а все-таки, если не у нихъ самихъ, то у кого-то изъ ихъ учениковъ сорвалось невольное и смѣшное по своему упорству восклицаніе: *да не будетъ!*.. Невольно изумляешься этому — *да не будетъ!* Это какой-то бессмысленный протестъ злой воли осатанѣвшаго человека противъ самыхъ простыхъ требованій справедливости, а въ данномъ случаѣ и противъ неумолимаго, праведнаго суда Божія... Предъ этими, нравственно изуродовавшими себя людьми, совершаются чудеса неоспоримыя, свидѣтельствующія о божественномъ всемогуществѣ Господа Иисуса Христа; они видятъ ихъ, признаютъ, но... смотря на нихъ какъ на самыя естественныя явленія и разсуждаютъ о Чудотворцѣ: *видите, никакаяже польза*

есть, ничего не выходить изъ нашихъ усилій загубить Его: *се весь міръ по Немъ идетъ* (Іоан. 12, 19). Значить, нужно дѣйствовать противъ Него дружнѣе, рѣшительнѣе, нужно этому конецъ положить... Вотъ Спаситель испѣляетъ слѣпыхъ, они производятъ самое строгое, но и самое одностороннее, самое пристрастное слѣдствіе надъ испѣленнымъ. Но сказать нечего, уличить не въ чемъ, правда ярче солнца бьетъ въ глаза. Что же они? Да ничего: спокойно совѣщаются убить Іисуса Христа. Господь воскрешаетъ Лазаря: новое чудо, новое проявленіе Его Божества, но они опять свое: убить Его, да ужъ кстати, чтобъ не обличалъ ихъ своимъ присутствіемъ на землѣ, убить и Лазаря!.. Воскресъ Господь. Фактъ неоспоримъ. Сами же они постарались подтвердить его, поставивъ вѣрную стражу изъ строгихъ къ своимъ обязанностямъ, образцовыхъ по дисциплинѣ римскихъ воиновъ. (Какъ, я думаю, они досадовали на эту свою предосторожность, которая оказалась большою непредусмотрительностію съ ихъ стороны: вѣдь не будъ этой стражи, какъ легко было бы имъ увернуться)! Что тутъ дѣлать? И разумъ, и совѣсть—все требовало вѣры... Да, они и *знали* хорошо, и вѣрили *умомъ*, то-есть, были убѣждены въ истинѣ воскресенія, а все же *не втравали сердцемъ*... Нужно было къ сердцу подойти благодати, *умягчить* его, согрѣть, оживить для вѣры: а гордость, а это несносное сатанинское упорство, укрывшееся за ихъ человѣческое „я“, не допускало дѣйствовать благодати, и сердце оставалось черствымъ, хладнымъ, безжизненнымъ... Отсюда безсовѣстные подкупы стражи, отсюда нелѣпыя выдумки, что ученики украли тѣло Господа, выдумки, которымъ первые же они сами и не вѣрили... Но вотъ истина воскресенія сіяетъ все яснѣе и яснѣе, солнце Евангелія восходитъ все выше и выше во всемъ святомъ величіи своемъ; всѣ тѣ, кто

способенъ былъ воспріять въ сердце живительную теплоту его — вѣруютъ, цѣлыми тысячами обращаясь ко Христу. Изнемогаетъ злоба враговъ Іисусовыхъ, уже робко и нерѣшительно они дѣйствуютъ противъ учениковъ Его. Накрѣпко заказываютъ имъ не возвѣщать болѣе о Имени семъ, столь для нихъ ненавистномъ: но встрѣтивъ святой протестъ истины, невольно въ своемъ безсиліи на время умолкаютъ... Пора бы, кажется, понять свое губительное содружество съ сатаною и покаяться... Но нѣтъ! *Не хотятъ!*..

До такого ожесточенія можетъ дойти грѣшное сердце человѣческое, ослѣпленное страстью. Повѣритъ ли оно выходцу даже и съ того свѣта?..

Разскажу кстати фактъ, слышанный мною отъ людей достовѣрныхъ. Онъ показываетъ, что для такого несчастнаго, ожесточеннаго человѣка бесполезно было бы, если бы даже *самъ* онъ побывалъ на томъ свѣтѣ.

Одинъ крестьянинъ умеръ и воскресъ. Что это не былъ такъ называемый латаргическій сонъ, а дѣйствительное разлученіе души съ тѣломъ, видно изъ того, что онъ хорошо помнилъ все, что испыталъ на себѣ по ту сторону гроба. Душа его видѣла ужасныя муки грѣшниковъ (о блаженствѣ праведныхъ онъ не говорилъ), и онъ со страхомъ и слезами потомъ разсказывалъ свои видѣнія. Но прошло нѣсколько лѣтъ. Несчастный, жившій дотолѣ хорошо, предался пороку пьянства и—что бы вы думали? Сердце его такъ огрубѣло, что этотъ выходецъ съ того свѣта кощунствовалъ надъ тѣмъ, что видѣлъ на томъ свѣтѣ. Да, онъ позволялъ себѣ самыя нескромныя шутки относительно вѣчныхъ мученій, отнюдь притомъ не отрицая дѣйствительности того, что видѣлъ своими душевными очами. Вотъ вамъ примѣръ того, на что способно очерствѣвшее, огрубѣвшее въ порокъ сердце человѣческое!

IX.

Позволю себѣ дополнить вышеизложенное размышленіе еще одною мыслию. Отчего не попущено намъ видѣть тѣлесными очами обитателей незримаго духовнаго міра — ангеловъ, демоновъ и души усопшихъ людей? Богословы указываютъ много тому основательныхъ причинъ; самая же главная, можетъ быть, сокрыта въ глубинахъ непостижимой для насъ премудрости Божіей. А я осмѣливаюсь указать на одну — нравственнаго свойства. Согласитесь, что никто изъ насъ грѣшныхъ недостойнъ, да и не способенъ былъ бы видѣть Ангеловъ Божіихъ и святыхъ людей. А если такъ, то мы только бы и видѣли предъ собою злыхъ демоновъ. Не ужасно ли одно представленіе объ этомъ? И если бы сіе попущено было, то какое широкое поле открылось бы тогда для злыхъ духовъ въ отношеніи прелести! И вотъ, мнѣ думается, что тогда злые люди открыто стали бы входить въ самый тѣсный союзъ съ злыми духами, не смотря ни на что. Что сердца человѣческаго на это достало бы, видно уже изъ предыдущихъ сужденій нашихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: есть вѣдь люди, немногимъ чѣмъ лучшіе бѣсовъ по своимъ нравственнымъ качествамъ: однако и съ ними входятъ же въ общеніе подобные имъ люди, и именно ради того, чтобы научиться у нихъ всѣмъ ухищреніямъ грѣха! Что же мудренаго, если человѣкъ, отчаявшійся въ своемъ спасеніи, пошелъ бы въ сдѣлку съ врагомъ своего спасенія, дѣйствуя съ нимъ заодно къ гибели себѣ подобныхъ, лишь бы испытать до дна чашу земныхъ наслажденій? Примѣровъ тому не мало видимъ въ житіяхъ святыхъ, хотя и не попущено *видѣнія* бѣсовъ всѣмъ и каждому, хотя общеніе съ ними при такихъ условіяхъ становится дѣломъ рискованнымъ даже и для здѣшной земной жизни.

Что же было бы тогда, когда такое общеніе, волхвованіе, было дѣломъ обычнымъ? ¹⁾

¹⁾ А врагъ нашего спасенія не теряетъ надежды вовлечь въ общеніе съ собою и современныхъ людей, гордящихся своею культурностью, такъ же, какъ вовлекалъ нѣкогда древнихъ египтянъ и финикянъ. Приведемъ здѣсь любопытную выдержку изъ статьи М. П. Соловьева въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1900 г.: „О дьяволизмѣ“. „Западное хрістіанство, говоритъ онъ, неудержимо идетъ внизъ, теряя на каждой ступени роковой лѣстницы одно хрістіанское вѣрованіе за другимъ. На послѣдней видимой нынѣ ступени западные народы, по крайней мѣрѣ руководящіе ими классы, доходятъ до полного отрицанія хрістіанства, якобы несогласимаго съ ихъ раціоналистическимъ міросозерцаніемъ. Но на этой ступени вдругъ, съ поразительною неожиданностію, ворвался въ слагающееся, повидимому, царство „просвѣщеннаго“ разума цѣлый рядъ непостижимыхъ, противорѣчащихъ господствующимъ міропредставленіямъ, явленій. Свѣтъ религіи гасили съ великимъ усердіемъ, водворяя мракъ религіознаго невѣдѣнія, и вотъ, изъ этого мрака, какъ бы въ наказаніе отвергающимъ все недоступное на вѣки разуму, ослѣпленному самомнѣніемъ, стали появляться темныя, невѣдомыя силы, существованіе которыхъ раціонализмъ относитъ исключительно на счетъ невѣжества и суевѣрія. Эти силы на подобіе кошмара налегли на смущеннаго и безвѣрнаго западнаго человѣка. Невѣдомыя существа проявили могущество сверхъчеловѣческое, неподвластное и отрицающее всѣ тѣ эмпирическіе выводы, которые называются законами природы. Одно за другимъ рушились раціоналистическія возраженія и замолкали насмѣшки надъ суевѣріями, какъ наслѣдіемъ полудикаго и средневѣковаго быта; напротивъ, порча, глазъ, всепроницаемость, внушеніе, непостижимыя *объективныя* явленія доставили такую массу фактовъ, засвидѣтельствованныхъ не только достовѣрными свидѣтелями, но и строго научными наблюденіями, что о голословномъ отрицаніи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Невѣдомый факторъ носитъ преобладающій духовный характеръ, проявляетъ себя какъ цѣлесообразная сила, дѣйствуетъ преимущественно на духовную сторону человѣка и посредствомъ его воли; ему необходимо общеніе съ душою; чтобы

Но мы уклонились от прямого предмета наших размышлений. Намъ хотѣлось, хотя на минуту, остано-

видѣть его проявленія, нужно имѣть *стру*. Снизу также потребовалась вѣра, какъ она была необходима на пути горѣ. Эта странная сила по существу своему относится къ области религіи и дается при помощи религіозныхъ процессовъ—экстаза (транса) и откровенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ рядъ свидѣтельствъ устанавливаетъ ея противохрістіанскій характеръ. Не только вѣрующіе хрістіане, присутствующіе при подобныхъ опытахъ, но и предметы хрістіанскаго почитанія оказываются препятствіемъ къ удачному результату этихъ опытовъ... Приступили къ пересмотру осмѣянныхъ „суевѣрій“ прошлыхъ вѣковъ и, къ великому изумленію, нашли, что современныя сверхъестественныя явленія въ точности соотвѣтствуютъ тому, что признавалось за дѣтское легковѣріе временъ невѣжества, за обманное колдовство... Нечистая сила вновь проявляла себя и притомъ въ обширныхъ, не наблюдавшихся дотолѣ размѣрахъ, какъ будто бы находя для себя въ настоящее время болѣе воспріимчивую и подготовленную среду, чѣмъ когда-либо... Въ полномъ разгарѣ матеріалистическаго міросозерцанія вдругъ возсталъ спиритуализмъ и притомъ въ отрицательной формѣ, какъ начало противоположное ученію положительной религіи, какъ враждебная этой религіи религія“. И вотъ, „жаждущіе вѣры сложились въ различныя группы религіознаго характера, учредили іерархію, возсоздали въ цѣломъ рядъ обрядовъ новую магію. Эти общества направляются къ сліянію водино. Для характеристики описываемаго явленія въ его совокупности принято называть его оккультизмомъ. Общество, раскинувшее въ настоящее время свою сѣть по всему культурному міру, не исключая мусульманскаго, индійскаго, китайскаго міровъ, но, замѣчательно, только въ православномъ и восточно-хрістіанскомъ не встрѣтившее себя сочувствія, называется *масонскимъ*“ (Историч. Вѣстн. 1900 г.).

Еще нагляднѣе, нежели въ масонствѣ, „невѣдомый факторъ“ даетъ о себѣ знать въ спиритическихъ явленіяхъ. Извѣстно, что число спиритовъ въ Америкѣ и западной Европѣ достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ. Было бы несправедливо всѣхъ спиритовъ считать обманщиками или самообманывающимися. И вотъ что замѣчательно: чѣмъ

вить ваше вниманіе на той границѣ, до которой доходить вообще огрубеніе сердца человѣческаго, его развращеніе, его ужасная порча.

Ставимъ вопросъ: можетъ ли человѣкъ исправить самъ себя? Отвѣчаемъ: онъ можетъ желать, искать, просить, напрягать всѣ свои силы къ исправленію, но очистить себя отъ грѣховной скверны своими силами—не можетъ. „Возьмите, говоритъ святитель Теофанъ - затворникъ, сердитаго и предположите, что онъ возревновалъ погасить гнѣвливость и стяжать кротость. Въ подвижническихъ книгахъ есть указаніе на то, какъ должно править собою, чтобъ этого достигнуть. Усвояетъ все это онъ и начинаетъ дѣйствовать по вычитаннымъ указаніямъ. Докуда же дойдетъ онъ своими усиліями? Не далѣе, какъ до молчанія устъ при серчаніи, съ нѣкоторымъ укрощеніемъ самого серчанія; а чтобы совсѣмъ погасъ гнѣвъ и въ сердцѣ водворилась кротость, до этого онъ самъ никогда не дойдетъ. Это бываетъ уже тогда, когда приходитъ благодать и прививаетъ кротость къ сердцу. Такъ въ отношеніи и ко всему. Какого бы плода духовной жизни ни взыскалъ ты, искать—ищи всеусильно, но не ожидай плода отъ твоего исканія и твоихъ усилій, а *возверзи печаль твою на Господа, безъ всякаго отчисленія чего-либо на свою долю, и Той*

далѣе идетъ въ своемъ развитіи ученіе спиритовъ, тѣмъ больше выступаетъ въ немъ антихрістіанское направленіе. Американскіе спириты прямо себя стали называть *антихрістіанцами*“ (см. „О духѣ времени“, брошюра Н. А. Астафьева). Намъ привелось читать одну спиритическую рукопись, въ которой самое хрістіанство называется „богохульствомъ“...

Наконецъ, по газетнымъ извѣстіямъ, во Франціи и Англіи уже образовалась небольшая секта изувѣровъ, которая служитъ обѣдню сатанѣ и поставила себѣ задачею „официальное подготовленіе антихріста“... (См. „Путь къ лучшему будущему“, Н. Н. Неплюева).

созворитъ (Пс. 36, 5). Молись: желаю, ищу; но *живи меня Ты правдою Твоею!* Господь опредѣлилъ: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). И законъ этотъ исполняется въ духовной жизни съ точностію, ни на волосъ не уклоняющеюся отъ опредѣленнаго¹⁾.

Но откуда же наконецъ это безсиліе, это внутреннее раздвоеніе души, на которое такъ выразительно-громко жалуется даже великій Павелъ, Апостоль Христовъ? *Не еже бо хочу, сіе творю*, говоритъ онъ, *но еже ненавижду, то содѣлываю... Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе, не обрѣтаю... Окаяненъ азъ человекъ!..* (Римл. 7, 15. 18). Пока человекъ живетъ исключительно внѣшнею жизнью, внѣшними впечатлѣніями, пока его вниманіе устремлено на внѣшній міръ, достоинствъ человекъ какъ будто не слышитъ въ себѣ этого раздвоенія, — говорю: *какъ будто*, ибо на самомъ дѣлѣ пустота внутренней жизни все же даетъ себя знать... О чемъ говорить, напримѣръ, это безотчетное стремленіе къ развлеченіямъ, къ разнымъ удовольствіямъ? Ни о чемъ другомъ, какъ о тоскѣ внутренняго человека, который заключенъ въ тюрьму житейской суеты, которому не даютъ ни свѣта, ни пищи, ни чистой благодатной атмосферы духовной... Духъ томится, тоскуетъ, жаждетъ и рвется къ Богу, Свѣту вѣчному, а плоть какъ жестокий мучитель съ презрѣніемъ отвращается отъ этихъ воплей духа и безумно погружается въ омутъ страстей, чтобъ ихъ не слышать... Да, *безумно*, ибо какъ бы плоть ни усиливалась убить духъ — духъ бессмертенъ; какъ бы душевный человекъ ни отвращался, какъ бы ни отрицался отъ духовнаго — они не разлучны по своей природѣ, и, стремясь убить духов-

¹⁾ Псаломъ стовосемнадцатый, на ст. 40.

наго, душевный человекъ только готовитъ самому себѣ вѣчную — бессмертную смерть въ грядущей вѣчности...

Такъ, не въ измышленіяхъ поэтовъ, а въ самой дѣйствительности, въ каждомъ изъ насъ, совершается величайшая трагедія, происходитъ непримиримая борьба сросшихся близнецовъ, такая борьба, какой не представить себѣ никакая фантазія поэтовъ. Есть ли что-либо подобное у другихъ тварей, кромѣ человека? Вѣдь въ сущности это несчастье — только его, это — тяжелое бремя только Адамовыхъ сыновъ... Но ужели *такимъ* вышелъ человекъ изъ рукъ всемогущаго Творца?

На этотъ вопросъ нашъ духъ отвѣчаетъ голосомъ совѣсти и разума: нѣтъ! не *такимъ*. И откровеніе Божіе говоритъ, что человекъ созданъ по образу и по подобию Божію: значитъ, въ его первобытномъ состояніи не было и тѣни этой внутренней борьбы, этого разлада, и раздвоенія въ душѣ. Всѣ его силы и способности, все его существо было проникнуто чудной гармоніей духа. И умъ, и сердце, и воля — все отображало совершенства своего Творца. Думать иначе — значило бы богохульствовать. *Богъ зла не сотворилъ...*

Откуда же оно, это зло? — Слово Божіе на первыхъ же страницахъ Библии открываетъ намъ, что это зло привито человеку извнѣ, отъ исконнаго человекоубійцы діавола. Первозданный палъ, свободно вкусивъ этого яда, и все человечество заразилось ядомъ грѣха. Всѣ мы родимся грѣшниками, грѣхъ — это **природное наслѣдство наше отъ праотца Адама**. *Въ беззаконіихъ зачатъ есмь*, говоритъ Царь-пророкъ, *и во грѣсѣхъ роди мя мати моя* (Пс. 50, 5). Святая Церковь омываетъ вину первороднаго грѣха въ купели св. крещенія, но врожденная склонность ко грѣху въ насъ остается. *Отъ юности моя мнози борютъ мя страсти*. Пока человекъ не согрѣшитъ дѣломъ, дотолѣ эти страсти еще

сдерживаются, еще не имѣютъ власти надъ душою человека. А какъ скоро онъ согрѣшитъ,—грѣхъ уже предъ-являетъ къ нему свои права, какъ господинъ. *Творяй грѣхъ—рабъ есть грѣха* (Іоан. 8, 34). Чтобы сбросить съ себя узы этого рабства—необходима Божья благодать. А чтобъ достойнымъ быть этой благодати—надо понудить свое произволеніе, потребенъ подвигъ покаянія въ смиренномъ сознаніи своего безсилія: только *смиренымъ* Господь *дастъ* Свою *благодать* (Іак. 4, 6).

Х.

Итакъ, полное сознаніе своего духовнаго безсилія, несмотря на всѣ наши силы и способности, несмотря на всѣ труды и подвиги — вотъ что необходимо для того, чтобы привлечь къ себѣ спасающую благодать Божию. Но до такого сознанія человекъ доходитъ не скоро. Прекрасно изображаетъ эту постепенность преосвященный Теофанъ - затворникъ: „начавъ рѣшительно дѣло исправленія себя, человекъ все еще полагается на свои труды, все еще много приписываетъ своимъ усиліямъ и многого ожидаетъ отъ нихъ. Уже довольно спустя, когда, добросовѣстно трудясь, увидитъ, что все какъ-то не спѣется, онъ начинаетъ переходить на надежду и преданіе себя Божію изволенію и попеченію, и опять-таки не вдругъ, а понемногу, ибо все думается ему: на что же мнѣ и силы? Наконецъ, уже выбившись изъ силъ, и не находя желаемого и ожидаемого, бросаетъ онъ свои оружія (отрекается отъ воли и разума) и остается съ однимъ воплемъ: *имиже вси судьбами спаси мя!*“

Такъ добросовѣстно совершаемая мірская добродѣтель ведетъ къ монашеской, ибо только здѣсь человекъ можетъ найти полное удовлетвореніе своей встревоженной

совѣсти. Видя, что и умъ, и сердце, и воля наша на сторонѣ грѣховныхъ привычекъ: умъ лжетъ и лицемеритъ самъ предъ собою, сердце льститъ, воля безсильна предъ врагомъ—что остается человеку, какъ не отказаться отъ собственнаго смышленія, отъ своей воли, отъ всѣхъ своихъ пожеланій? А это значитъ отвергнуться себя предать и умъ, и сердце, и волю—въ волю Божию, это значитъ — распять свой умъ на крестѣ заповѣдей Божіихъ, свои желанія и волю — на крестѣ воли Его святой и во всемъ предаться Его водительство. Но таковъ и есть, въ своемъ высшемъ назначеніи, путь монашества. Въ монастырѣ отвергшійся себя воспріимлетъ отъ руки Божіей крестъ свой и идетъ во слѣдъ Господа Іисуса. И сей подвигъ есть высшій всѣхъ подвиговъ человѣческихъ, пріятнѣйшій Богу паче поста и молитвы, паче всѣхъ дѣлъ милосердія, паче всего, что можетъ человекъ сдѣлать для своего спасенія при помощи благодати Божіей, ибо *объемлетъ собою все это*. Въ каждомъ подвигѣ человекъ отдается Богу какъ бы не весь, а лишь *частно*, съ готовностію служа Богу своею волею, но все еще оставляя ее за собою, представляя себѣ какъ бы нѣкоторое право иногда и не совершать подвига, успокоиться, почить отъ него... И это бываетъ какъ-то безсознательно: въ душѣ, на самомъ ея днѣ, въ самомъ основаніи доброй дѣятельности, остается мысль: „я-де хозяинъ самого себя (опять—„я“!) и могу располагать собою какъ хочу; хочу же добра и одного только добра, и дѣлаю его“... Эта мысль, большею частию неоформленная, несознаваемая, таится въ душѣ, и вся добродѣтель иногда только на ней и зиждется. Отчего бываетъ, что такая добродѣтель оказывается не прочною, особенно когда человекъ сдѣлаетъ послѣдній шагъ: отречется своей воли и хотѣній, своего смышленія и разума, станетъ монахомъ? Да оттого, что въ семъ слу-

чаѣ отнимается у его мірской добродѣтели то основаніе, на коемъ она созидалаѣ, хотя душа и не ясно сознавала это основоположеніе своей доброй мірской дѣятельности. „Должно, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ, изслѣдовать: почему живущіе въ мірѣ и пребывающіе во бдѣніяхъ, постахъ и злостраданіяхъ, когда, по удаленіи изъ міра, приступаютъ къ монашескому житію, какъ къ мѣсту испытанія и подвижническому поприщу, не проходятъ уже прежняго своего подвига, ложнаго и притворнаго? Видѣлъ я весьма многія и различныя растенія добродѣтелей, насаждаемыя мірскими людьми, и какъ бы отъ подземнаго стока нечистоты напояемыя тщеславіемъ, окапываемыя самохвальствомъ и утучняемыя навозомъ похвалъ, но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мірскихъ людей, и неимѣющую смрадной влаги тщеславія; ибо любящія влагу растенія не могутъ приносить плода въ сухихъ и безводныхъ мѣстахъ“¹⁾.

Не вси вмѣщаютъ словесе сего (Мѣ. 19, 11), сказано о монашествѣ. Не для всѣхъ этотъ путь добровольнаго, цѣложизненнаго мученичества. Вотъ почему „Господь по особенному промыслу Своему, облегчилъ брани для новоначальныхъ иноковъ, чтобы они при самомъ началѣ не возвратились тотчасъ же въ міръ. А отъ живущихъ въ мірѣ Господь утаилъ неудобство, или, лучше сказать, удобство сего поприща, ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы отъ міра“²⁾.

Господь премудро каждого ведетъ тѣмъ путемъ, къ каковому видитъ его способнымъ. Кто не способенъ, по Его всевѣдѣнію, къ иноческой жизни, того Онъ и не влечетъ на этотъ путь, тотъ можетъ и въ міру спастись.

¹⁾ Лѣствица, ст. 2, гл. 6.

²⁾ Лѣствица, ст. 1, гл. 23.

Св. Лѣствичникъ говоритъ: „нѣкоторые люди, нерадиво живущіе въ мірѣ, спросили меня: какъ мы, живя съ женами, и оплетаясь мірскими попеченіями, можемъ подражать житію монашескому? — Я отвѣчалъ имъ: все доброе, что только можете дѣлать, дѣлайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни предъ кѣмъ ни возноситесь, ни къ кому не имѣйте ненависти, не оставляйте церковныхъ собраній, къ нуждающимся будьте милосерды, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части и *будьте довольны оброки* (Лк. 9, 14) женъ вашихъ. Если такъ будете поступать, то не далеко будете отъ царства небеснаго“¹⁾.

Но какъ монахъ, такъ и мірянинъ должны твердо и постоянно помнить, что ничего мы не можемъ сдѣлать истинно-спасительнаго одними только своими усиліями, что все истинно-доброе и въ насъ, и чрезъ насъ творить благодать Божія, что мы—рабы неключимые, ни на что негодные: *еже должны бѣгохъ сотворити*, сіе и творимъ (Лк. 17, 10); но еще не знаемъ, не увѣрены: *такъ ли творимъ, какъ надо*, и ужъ конечно, далеко не все творимъ, *что надо*, что заповѣдано... Только въ такой духовной атмосферѣ хрістоподражательнаго смиренія возможно возрастаніе духовнаго чловѣка въ мужа совершенна, ибо святое смиреніе есть тотъ воздухъ, которымъ дышатъ всѣ прочія боголюбезныя добродѣтели. А эта спасительная атмосфера смиренія создается только въ нѣдрахъ единой святой Православной Церкви, путемъ послушанія ей. Искренно-преданный сынъ Православной Церкви постоянно сознаетъ себя въ общеніи со всѣми ея членами: не живущими только, но и отшедшими, ибо во Хрістѣ Іисусѣ, какъ единой вѣчной главѣ Церкви, всѣ живы, всѣ составляютъ едино тѣло

¹⁾ Лѣствица, ст. 1, гл. 21.

Церкви. Молитвенное общеніе съ отшедшими ко Господу братьями оживляетъ это сознаніе. Отсюда потребность сердца — идти тѣмъ путемъ, какимъ пришли къ Богу святые Божіи, потребность именно у нихъ искать руководства на семъ пути, къ нимъ обращаться съ молитвою о вразумленіи, въ оставленныхъ ими писаніяхъ находить безцѣнные сокровища опыта духовнаго, и паче всякой напасти бояться уклоненія съ сего единственно праваго и вѣрнаго пути спасенія. Только при *такомъ* настроеніи возможно при помощи благодати Божіей, мало-по-малу очистить свое сердце отъ страстей, уничтожить въ себѣ то внутреннее раздвоеніе, которое получили мы по наслѣдству отъ своего праотца *ветхаго* Адама, дабы содѣлаться чадами и наслѣдниками Адама *новаго*—Господа Иисуса Христа. Только смиреніе открываетъ въ нашемъ сердцѣ дверь тому свѣтлому, благодатному миру, той радости, о которыхъ сказано: *царствіе Божіе не приходитъ съ соблюденіемъ* (Лк. 17, 20), оно *внутри васъ есть* (21), оно есть *правда и глубокий неотъемлемый душевный миръ и радость о Дусѣ Святѣ* (Римл. 14, 17).